

Действие лекарства еще не закончилось, оно лишь немного ослабло, но в плече вспыхнула резкая, дергающая боль — и сон окончательно улетучился.

Сквозь пелену забытья Фань Ло слышал, как кто-то над самым ухом невнятно бормочет. Сознание постепенно возвращалось, хотя голова оставалась тяжелой, а мысли путались. Он открыл глаза, но мир вокруг казался сплошным мутным маревом.

Так продолжалось, пока человек не наклонился к самому его уху и дрожащим голосом не позвал:

— Генерал?

Зрение Фань Ло наконец прояснилось.

Голос был вовсе не соловьиным и даже не чистым — грубый, словно иссеченный холодным ветром. Сначала перед глазами была лишь тьма, но мгновение спустя Фань Ло разглядел пару черных, блестящих глаз, которые, не мигая, уставились на него.

— Ли Цюань?.. — Спустя мгновение генерал вспомнил, кому принадлежит этот взгляд.

Тут же на него обрушился град вопросов:

— Генерал! Вы проснулись? Вам нехорошо? Где болит? Пить хотите? Принести воды?

Фань Ло крепко зажмурился и нахмурился — в ушах болезненно зазвенело от этого шума.

— Голова болит, да? — Назойливый шепот снова раздался у самого уха, обдавая жарким дыханием.

Вслед за голосом пришли руки: ладони осторожно легли на виски, пальцы начали мягко массировать кожу. Подушечки были прохладными и шершавыми, покрытыми густыми мозолями. На ощупь — как крупный песок, но, как ни странно, эта грубость быстро утихомирила тупую боль.

— Хе-хе, генерал, так полегче? У моей младшей сестренки часто голова горела, я всегда ей так делал.

Слова звучали бесхитростно, в них слышалось робкое желание выслужиться, словно это мимолетное действие приносило самому солдату величайшую награду. Фань Ло, даже не открывая глаз, мог представить себе глуповатую улыбку этого малого.

Чему тут радоваться? Фань Ло искренне не понимал. В четырнадцать лет он разгромил племена южных варваров, усмирил границы и получил титул маркиза. Тогда Ху Бо в поместье тоже сиял от счастья, предлагая созвать всех чиновников двора на пир. Фань Ло лишь холодно спросил его тогда: «Зачем праздновать? Изгнать врагов и укрепить империю Цзинь — наш долг. Что в этом особенного?»

Старик, растивший его с пеленок, вмиг застыл, а радость увяла, как осенняя хризантема. Фань Ло чувствовал, что сказал что-то не то, но не понимал — что именно. Со временем он и вовсе перестал об этом думать. И вот теперь этот солдат снова спрашивает с той же томительной надеждой:

— Генерал, вам стало лучше?

Фань Ло помолчал, а затем выдавил из себя:

— Да...

— Хе-хе! — Ли Цюань снова глупо рассмеялся, голос его звучал радостно. — Генерал, когда лихорадка, надо пить много воды. Тогда и полегчает. Хотите? Я сейчас принесу.

Генерал едва заметно кивнул.

Раздался шорох, полог палатки шелестнул — солдат выскочил наружу. Внезапно стало тихо, и Фань Ло показалось, будто воздух в палатке сразу стал холоднее.

Впрочем, он знал, что этот человек вернется. От этой мысли стало необъяснимо спокойно, даже боль в плече притупилась, а дыхание выровнялось.

Вскоре послышался топот. Ли Цюань влетел обратно, споткнулся о край полога и едва не растянулся на полу, тяжело дыша.

— Ой... — тихо выдохнул он, восстанавливая равновесие. — Генерал?

На этот раз Фань Ло решил не отвечать. Ему было слишком покойно, чтобы тратить силы на слова.

Солдат помедлил, а затем прошептал:

— Генерал, вы правда уснули?

Фань Ло не шелохнулся.

Ли Цюань замялся, бормоча под нос:

— Спит... Но губы-то совсем пересохли, потрескались уже. Как же быть? А, придумал!

Раздалось шуршание ткани. В следующую секунду нос и рот Фань Ло накрыла плотная тряпка, пропитанная резким лекарством.

Генерал внутренне содрогнулся, но виду не подал, мгновенно задержав дыхание. Ему было любопытно: что за игру затеял Ли Цюань?

Вскоре тряпку убрали, и до него донесся шепот:

— Кажется, хватит... Военный врач Цюй так же прижал тряпицу — и военный советник Фан сразу вырубился. Ну, должно сработать.

Пока Фань Ло гадал, что именно «должно сработать», его губ коснулось что-то влажное. А затем на них опустилось нечто мягкое, невероятно нежное.

Теплое дыхание, пахнущее полевыми травами, коснулось кожи. Шершавая ладонь прижалась к щеке — бережно, словно боясь разбить драгоценный фарфор. Ли Цюань прижался своим лбом к его лбу; легкая прохлада и свежесть, исходящие от кожи солдата, казалось, просочились сквозь поры и разлились по венам.

Сердце Фань Ло пропустило удар: чужие губы, влажные и податливые, словно пух, коснулись его собственных иссушенных губ, осторожно увлажняя их.

Он вспомнил тот день: привкус вина, пряный и пьянящий аромат, проникающий до самого сердца. Тогда Фань Ло не хотелось отпускать эту сладость. А теперь это «лакомство» само дразнило его, едва касаясь губ. Ну как тут было устоять?

Однако этот простофиля, обычно такой неуклюжий, на этот раз действовал первым. Он чуть приоткрыл свои губы, вынуждая Фань Ло сделать то же самое. Мягкий, скользкий язык скользнул по линии губ, а затем проник внутрь, едва касаясь десен. Фань Ло обдало волной такой острой истомы, что поясница на миг ослабла, и он едва не потерял самообладание.

А «дурачок» ничего не замечал. Он продолжал, не зная меры, тихонько стонал и даже всем телом — стараясь не задеть рану — навалился сверху. Его язык проник глубже, исследуя рот генерала.

Фань Ло уже готов был открыть глаза и оттолкнуть наглеца, как вдруг ощутил: вместе с этим прикосновением в его горло потекла живительная прохлада.

Жар, паливший внутренности, мгновенно отступил. Травяной аромат успокоил мятущуюся душу. Тело перестало казаться налитым свинцом. Грубые пальцы у висков уняли тупую боль. Тяжесть чужого тела на груди была... непривычно теплой. Она гнала прочь холод глубокой осени.

В общем, это было совсем не противно — пожалуй, единственная мысль, которая крутилась в голове генерала.

Ли Цюань, конечно, ни о чем не догадывался. Он был уверен, что генерал в глубоком беспомоществе. Оторвавшись от его губ, солдат вытер воду в углу своего рта и уставился на «красавца» под собой. Влажные, порозовевшие губы генерала блестели, напоминая Ли Цюаню лучшую на свете свинину в сахаре, которую готовила тетушка Чжан в их деревне.

Щеки генерала горели лихорадочным румянцем. На фоне черных, мозолистых рук солдата кожа маркиза казалась прозрачной, словно драгоценный белый нефрит.

Ли Цюань сглотнул слюну и покосился на чашку в руке. Вода в ней была прозрачной и чистой, она мелко дрожала, отражая лунный свет.

Солдат облизнул губы. Аромат лотоса, исходивший от генерала, не отпускал его. Ли Цюань скорчил страдальческую мину и прошептал:

— Ну... одного глотка точно мало. Вон, губы всё равно сухие. Всё равно ведь генерал ничего не узнает...

Он снова набрал воды в рот, зажмурился и приник к губам маркиза. Ли Цюань и не заметил, как в этот миг уголок губ генерала едва заметно дрогнул в улыбке — мягкой и тягучей, как мед...

***

На следующее утро Ли Цюань выглядел подозрительно бодрым, чем немало озадачил десятника Чжао. Генерал же, чей жар спал, сидел за столом, накинув на плечи верхнюю одежду. Волосы его были аккуратно прибраны руками солдата.

Вошел военный врач Цюй, чтобы осмотреть рану. Ли Цюань, крутившийся рядом, заглянул через плечо и едва не лишился чувств от ужаса.

На белоснежной коже кровавые повязки выглядели пугающе, но когда их сняли, открылась рана — черная, размером с кулак, облепленная кашицей из трав. Ткани вокруг воспалились и вздулись, а сама рана уходила глубоко внутрь, словно из плеча вырвали огромный кусок мяса.

Врач Цюй пояснил: пришлось чистить кость. Яд с кончика проник глубоко, и чтобы спасти

руку, нужно было соскоблить слой надкостницы. Ли Цюань вспомнил запах крови, стоявший в палатке прошлой ночью, и сердце его болезненно сжалось.

«Господин Цзян... как же у вас рука-то поднялась на такую красоту?» — горько подумал он.

Помощник генерала Вэй Ю, наблюдавший за перевязкой, тоже выглядел убитым горем. Он грохнулся на колени, едва не пробив пол палатки лбом.

— Генерал!.. Накажите меня! Это я виноват! Не углядел за этими Западными варварами!

Ян Цзо поспешно схватил его за плечо, пытаясь поднять.

— О ранении генерала нельзя распространяться. Если тебя накажут, как мы это объясним? Верно ведь, генерал?

Фань Ло едва заметно моргнул, подтверждая его слова.

— Но... но... — Вэй Ю, сидя на полу, принялся загибать пальцы. — В прошлый раз генерала ранили в ногу, в позапрошлый — ударили мечом в грудь, шрам до сих пор остался... А до этого...

Ли Цюань слушал этот список, и сердце его ухало в пятки. Он и не подозревал, сколько шрамов скрыто под одеждой маркиза.

Закончив пересчет, Вэй Ю окончательно растерял боевой дух. Он обхватил голову руками и завыл, точь-в-точь как провинившийся слуга в столичном поместье:

— Всё, пропал я! Когда вернемся, Ху Бо с меня живьем шкуру спустит!

Ян Цзо не выдержал и хмыкнул, оставив причитающего соратника. Он повернулся к генералу, сразу посерьезнев:

— Генерал, докладывают разведчики: армия Сиди отступила на десять ли.

Фань Ло сохранял невозмутимость, глядя на тактическую карту.

— Они ушли на свою территорию?

Ян Цзо на мгновение замялся.

— Нет. Они стоят вдоль границы империи Цзинь. Просто отошли на десять ли назад.

Фань Ло на мгновение замешался.

— Отступили?

Ян Цзо кивнул и, покосившись на застывшего рядом Ли Цюаня, понизил голос:

— Непонятно, какую игру затеял Маркиз Свободы. Но, сдаётся мне, вчерашний генерал был лишь пешкой, которую намеренно принесли в жертву. Во-первых, при нем было всего пятьдесят тысяч воинов — вряд ли Маркиз Свободы всерьёз рассчитывал на успех. А во-вторых... Генерал, вы помните варвара, которого убили месяц назад?

Фань Ло вопросительно приподнял бровь. А вот Ли Цюань сразу вспомнил:

— Тот безголовый вояка, который посмел оскорбить генерала?

Ян Цзо усмехнулся.

— Вчерашний командир кричал, что вы убили его брата.

Фань Ло кивнул, припоминая.

— Провокация?

— Именно. Думаю, Маркиз Свободы специально натравил его на нас, чтобы избавиться нашими руками. Судя по доспехам, тот покойник был из высшей знати Сиди.

Слова помощника ошарашили Ли Цюань:

— А? Это что же, они там сами друг друга режут? Но зачем?

Ян Цзо лишь развел руками.

— Ли Цюань, я же говорил тебе вчера: мне не тягаться с этим «лисом».

Солдат замолчал, но про себя подумал: «А помощник генерала Ян... тот еще злопамятный тип!»

В итоге генерал приказал: если враг отошел на десять ли, армия Цзинь должна продвинуться вперед на столько же. Надо было выяснить, что за комедию ломает противник. Ян Цзо нахмурился, явно желая что-то добавить, но промолчал.

Ли Цюань, видя, что время поджимает, решил вернуться в свой лагерь. Нужно было привести себя в порядок, иначе десятник Чжао опять начнет ворчать, что он отлынивает от службы.

Когда Ли Цюань оказался один в своей палатке, он достал из-за пазухи записку, выпавшую из его доспехов. Лицо его вмиг стало кислым.

«Господин Цзян, ну неужели нельзя прислать говорящего попугая? Вы же знаете, что я едва читать умею!»

К счастью, иероглифов было всего два. Ли Цюань знал их оба.

Но, прочитав их, солдат бессильно опустился на землю. У него даже не хватило духу изорвать бумагу и проглотить её.

Он едва сдерживал стон, переходящий в бессильный вой:

— Господин Цзян! Вам что, правда так весело издеваться надо мной?

На клочке бумаги неровным, расслабленным почерком, который казался почти тягучим — под стать вчерашним ласкам в генеральской палатке, — были выведены всего два слова:

«Вкусно было?»

<http://bllate.org/book/17414/1662015>